Самоубийство

Автор:
Эмиль Дюркгейм

Самоубийство

Эмиль Дюркгейм

Философия – Neoclassic

Эмиль Дюркгейм (1858—1917) – французский социолог и философ, профессор университетов Бордо и Сорбонны, основатель французской социологической школы, один из основоположников социологии как самостоятельной науки.

Эта книга, впервые изданная еще в 1897 году, стала образцом социологического исследования. Дюркгейм использовал метод вторичного анализа существующей официальной статистики и, основываясь на обширном фактическом материале, проанализировал феномен самоубийства с самых различных сторон: социальной и морально-психологической, религиозной и этнической.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Эмиль Дюркгейм

Самоубийство

Предисловие

С некоторого времени социология вошла в моду; самое слово «социология» стало теперь употребляться очень часто, а еще десять лет назад оно было малоизвестно и почти осуждено наукой. Социология находит себе все новых и новых сторонников, и в публике слагается какое-то предвзято благосклонное отношение к этой новой науке, на которую возлагаются самые большие надежды. Нельзя, однако, не признать, что полученные до сих пор результаты не вполне оправдывают ни большого количества опубликованных по этому вопросу трудов, ни затраченного на них интереса читателей.

Прогрессивное развитие какой-либо отрасли науки выражается главным образом в том, что трактуемые ею вопросы не остаются в стационарном состоянии; лишь тогда говорят про данную науку, что она двигается вперед, если ею устанавливается дотоле неизвестная законообразность явлений или по крайней мере открывается ряд новых факторов, которые, не позволяя делать окончательных выводов, способны изменить самую точку зрения на затрагиваемую проблему. К несчастью, в силу того что социология в большинстве случаев не ставит себе точно определенных проблем, она не может тем самым служить таким примером. Она не прошла еще через периоды построений и синтезов. Вместо того чтобы поставить себе целью осветить своими лучами определенную часть необъятного социального поля, социология в большинстве случаев ищет блестящих выводов, причем все вопросы только подвергаются общему обзору, но отнюдь не исследуются по-настоящему; такой метод легко ведет к злоупотреблениям, давая читающей публике так называемое «представление» о всякого рода вещах, но не приходя при этом ни к какому объективному результату. Законы бесконечно сложной действительности не могут быть открыты путем таких кратких обсуждений и мимолетных интуиций; особенною же бездоказательностью отличаются широкие и поспешные обобщения. Все, что можно сделать при таком понимании задач социологии, – это привести при случае несколько подтверждающих предлагаемую гипотезу примеров; но одни иллюстрации еще не могут служить доказательством чего бы то ни было; к тому же если затрагивается такая масса различных вопросов, то ни в одном из них нельзя быть компетентным. И приходится пользоваться чисто случайными сведениями, без всякого критического к ним отношения. Таким образом, книги по чистой социологии не могут быть полезны тому, кто поставил себе правилом иметь дело лишь с вопросами строго определенными, так как большинство из них не входит в рамки какой-либо особой отрасли исследования и, кроме того, чрезвычайно бедно сколько-нибудь авторитетными документальными данными.

Каждый человек, верующий в будущее социологии, должен всеми силами души стремиться к тому, чтобы положить конец такому положению вещей. Если социология будет и дальше пребывать в таком состоянии, то она быстро впадет в прежнюю немилость, к немалой радости всех врагов знания. Для человеческого разума было бы в высшей степени плачевно, если бы часть действительности, представляемая социологией, – единственная, отказывающаяся ему до сих пор покориться, единственная, о которой ведутся еще горячие пререкания, – хотя бы только на время ускользнула из-под его власти. Неопределенность полученных до сих пор результатов отнюдь не должна нас обескураживать: это аргумент в пользу того, чтобы употребить новые усилия, а не в пользу того, чтобы отказаться от усилий. Наука, только еще вчера зародившаяся, имеет право ошибаться и идти ощупью, если только она сама сознает свои ошибки и колебания и тем самым предохраняет себя от возможности их повторения. Социология не должна отказываться ни от одной из своих высоких задач, но если она хочет оправдать возлагающиеся на нее надежды, то она должна стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, пальцем, у которых можно было бы точно отметить начало и конец – и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины – историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна. Если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только того, что при всей добросовестности социолога данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала, так как сам материал настолько богат и разнообразен, что хранит в себе неистощимую возможность самого неожиданного, самого нечаянного стечения обстоятельств. Но не надо, конечно, придавать этому преувеличенного значения. Раз социолог пойдет указанным нами путем, то даже в том случае, если фактический инвентарь его будет не полон, а формулы слишком узки, работа его будет, бесспорно, полезна – и будущее поколение продолжит ее, потому что каждая концепция, имеющая какое-нибудь объективное основание, не связана неразрывно с личностью автора; в ней есть нечто безличное, благодаря чему она переходит к другим людям и воспринимается ими; она способна к передаче. Благодаря этому в научной работе создается возможность известной преемственности, а в этой непрерывности лежит залог прогресса.

Именно в этой надежде написана предлагаемая нами работа. И если среди различных вопросов, которые разбирались нами на всем протяжении нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубийство, то поступили мы так главным образом потому, что самоубийство принадлежит к числу явлений наиболее легко определяемых и может служить для нас исключительно удачным примером; но и тут для точного определения очертаний нашей темы нам понадобилось немало предварительной работы. Зато, сосредоточиваясь таким образом на одном каком-нибудь вопросе, нам удается открывать законы, которые лучше всякой диалектической аргументации доказывают возможность существования социологии как науки. В дальнейшем изложении читатель познакомится с теми из этих законов, которые, как мы надеемся, нам удалось доказать. Без всякого сомнения, нам не раз случалось ошибаться, чрезмерно увлекаться в своей индукции и отдаляться от наблюдаемых фактов; во всяком случае, каждое из своих положений мы подкрепляли возможно большим количеством доказательств; особенное внимание мы обращали на то, чтобы как можно тщательнее отделить рассуждение по поводу данного положения и нашу субъективную интерпретацию его от самих рассматриваемых фактов. Таким образом, читатель может сам оценить, насколько основательны предлагаемые ему объяснения, имея под руками все данные для обоснованного суждения.

Поставив точные границы своим изысканиям, необходимо, кроме того, категорически воздержаться от изложения общих взглядов на изучаемый предмет и от так называемого краткого общего обозрения темы. Мы думаем, что достигнутые нами результаты, а именно установление известного количества положений относительно брака, вдовства, семьи, религиозной общины и т. д., дают нам возможность, разумеется при правомерном пользовании этим материалом, научиться гораздо большему, чем изучая заурядные теории моралистов о природе и качестве этих явлений и учреждений.

В нашей книге читатель найдет также несколько указаний на причины общего недуга, заразившего в настоящее время все европейское общество, и на те средства, которыми этот недуг может быть ослаблен. Никогда не надо думать, что общее положение вещей можно объяснить при помощи обобщений. Можно говорить об определенных причинах только после тщательного наблюдения и изучения не менее определенного внешнего их проявления. Самоубийства в том виде, в каком они сейчас наблюдаются, являются именно одной из тех форм, в которых передается наша коллективная болезнь, и они помогут нам добраться до ее сути.

Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т. е. как внешние по отношению к индивиду реальности. Для нас это столь оспариваемое положение является основным. В конце концов, для того чтобы существование социологии было возможным, раньше всего нужно, чтобы у нее был специальный, только ей принадлежащий объект изучения, чтобы она поставила своей задачей изучение реальности и не была зависима ни от какой другой отрасли знания. Но если нет ничего реального за пределами единичного сознания, то социология как таковая должна исчезнуть за неимением материала.

Единственный предмет, к которому тогда может применяться наблюдение, это состояние ума индивидов, ибо ничто иное не существует; но это – задача психологии. С этой точки зрения все, что есть существенного в браке, или в семье, или в религии, заключается в тех индивидуальных потребностях, которым предназначены служить эти институты, а именно: отцовская и сыновняя любовь, половое влечение, то, что называется религиозным инстинктом, и т. д. Что же касается самих институтов с их исторически выработанными формами, столь сложными и разнообразными, то этой стороной дела можно пренебречь: она представляется малоинтересной. Будучи только внешним и случайным выражением общих свойств природы индивидуума, вышеназванные институты являются лишь одним из ее проявлений и не требуют специального исследования. Конечно, при случае любопытно заняться изучением того, какое внешнее выражение получали в различные исторические эпохи эти вечные человеческие чувства; но так как каждое такое внешнее выражение несовершенно, то им нельзя придавать слишком большого значения. В некотором отношении бывает даже полезно вовсе отбросить их, чтобы лучше проникнуть в глубь оригинального подлинника, в котором чувства эти черпают свой смысл и истинная природа которого искажается внешней передачей.

Таким образом, под предлогом того, чтобы дать науке более глубокую подпочву, основывая ее на психологическом строении индивида, ее отделяют от единственного свойственного ей предмета. Обыкновенно в таких случаях не замечают того, что социологии не может быть там, где нет общества, а общества нет там, где есть только индивиды. К тому же эта концепция является одной из главных причин, поддерживающих в социологии вкус к неясным обобщениям. Вполне естественно, что если за конкретными формами социальной жизни не признается самостоятельного существования, то нет и желания заниматься их описанием.

Мы твердо надеемся, что, читая нашу книгу, каждый согласится с нами в том, что над индивидом стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив. Когда станет очевидно, что у каждого народа существует свой особый процент самоубийства, что процент этот более постоянен, чем общая смертность, что если он вообще эволюционирует, то – следуя коэффициенту ускорения, свойственному каждому обществу, что все его колебания в различные моменты дня, месяца, года только воспроизводят ритм общей социальной жизни; когда убедятся, что брак, развод, семья, религиозная община, армия и т. д. влияют на него по точно определенным законам, из которых некоторые могут быть выражены даже цифрами; когда убедятся во всем этом, то откажутся видеть в этих состояниях и институтах какие-то идеологические установления, не имеющие ни силы, ни значения. Тогда почувствуют, что это – реальные, живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются. По мере того как вышеназванные силы формируются, они налагают свою власть на индивида. Приняв это во внимание, легче понять, каким образом социология может и должна быть объективной, ведь она имеет перед собой столь же определенные и столь же прочные реальности, как предмет изучения психолога или биолога[1 - Далее мы укажем, что эта точка зрения, далекая от того, чтобы исключать всякую свободу, является единственным средством примирения ее с детерминизмом, непосредственно вытекающим из данных статистики.].

Нам остается выразить свою благодарность нашим бывшим ученикам г-ну Феррану, преподавателю Высшей первоначальной школы в Бордо, и г-ну Марселю Моссу, приват-доценту философии, за ту готовность помочь нам, которую они проявили, и за те незаменимые услуги, которые они нам оказали.

Введение

I

Так как самое слово «самоубийство» бесконечное число раз употребляется в нашей речи, то, казалось бы, можно рассчитывать, что точный смысл его понятен каждому и определение его с нашей стороны будет совершенно излишним. Но на самом деле слова нашей обыденной речи, как и выражаемые

ими понятия, всегда и неизбежно двусмысленны, и тот ученый, который стал бы употреблять эти слова в их обыкновенном значении и не подвергая их никакой предварительной обработке, стал бы неминуемо жертвой серьезных недоразумений. Не только понимание слова так широко, что изменяется в различных случаях по мере надобности, но, кроме того, так как классификация ходячих понятий не имеет своим основанием методического анализа, а только передает смутные и неясные впечатления толпы, то можно беспрестанно наблюдать, как целые категории совершенно разнородных фактов непонятно почему собраны под одной рубрикой или как явления однородные называются разными именами. Итак, если полагаться на традиционное значение слов, то можно впасть в заблуждение, а именно придать различный смысл тому, что должно быть соединено вместе, и, наоборот, смешать то, что должно быть разделено, и, таким образом, не заметить действительного родства вещей и не понять их природы. Только путем сравнения можно подойти к объяснению. Научное исследование не может достигнуть своей цели иначе как сравнением фактов, и у него тем более будет шансов на успех, чем увереннее оно будет, что собрало все явления, которые можно с пользой сравнить между собой. Но эти естественные средства индивидов не могут быть опознаны с достоверностью путем простого внешнего наблюдения, подобного тому, результатом которого является обыденная терминология; следовательно, ученый не может взять объектом своих изысканий вполне установленную группу фактов, которой точно отвечали бы слова разговорной речи; он сам должен установить группы, которые он хочет изучать, с тем чтобы придать им известную однородность и ту специфичность, вне которых немыслима никакая научная работа. Подобным же образом ботаник, говоря о плодах или цветах, и зоолог, говорящий о рыбах и насекомых, употребляют различные термины в том значении, какое они должны были предварительно установить.

Нашей первой задачей должно быть определение группы тех фактов, которые мы предлагаем изучать под именем самоубийства. Для этого мы должны рассмотреть, есть ли среди различных видов смерти такие, которые имеют общие характерные черты, достаточно объективные для того, чтобы быть признанными каждым добросовестным наблюдателем, достаточно специализированные для того, чтобы нигде уже более не встречаться, и в то же время достаточно близкие к тому, что обыкновенно называется самоубийством, для того чтобы, не насилуя обычной терминологии, мы могли сохранить это выражение.

Если таковые нам встретятся, то под этим наименованием мы соберем все без исключения факты, имеющие ясно выраженный характер, и не будем

беспокоиться о том, что образованная таким образом классификация не вмещает, быть может, всех называемых обыкновенно этим именем случаев или, наоборот, вмещает в себя и такие случаи, которые обыкновенно носят другое название. Важно не то, чтобы уметь выразить более или менее определенно то понятие, какое составил себе о самоубийстве средний интеллект; нужно установить целую категорию явлений, которые не только могут без всякого затруднения быть занесены в эту рубрику, но, кроме того, имеют объективное основание, т. е. соответствуют определенной природе вещей. Среди различных видов смерти есть имеющие в себе особую черту, заключающуюся в том, что смерть является делом самой жертвы, что страдающим лицом является сам действующий субъект; с другой стороны, можно с определенностью сказать, что общераспространенное мнение о самоубийстве именно этот момент считает для него характерным; внутренний мотив такого рода поступков с этой точки зрения не имеет определяющего значения. Хотя в общем самоубийство представляют себе как положительный и неизбежно насильственный поступок, который требует известной затраты мускульной силы, но вполне может случиться, что совершенно отрицательное состояние или простое воздержание породят тот же результат. Можно лишить себя жизни, отказываясь от принятия пищи, точно так же, как и посредством ножа или выстрела. Вовсе не нужно, чтобы покушение на самоубийство влекло за собой непосредственный смертельный исход, для того чтобы можно было смерть признать результатом данного действия; причинная связь может и не быть прямой, от этого нисколько не меняется самая природа явления. Иконоборец, жаждущий мученического венца, совершающий сознательное оскорбление величества, караемое смертной казнью, и умирающий от руки палача, является самоубийцей не в меньшей степени, чем тот, кто сам наносит себе смертельный удар; нет никакого основания для различной классификации этих двух разновидностей добровольной смерти, если вся разница между ними заключается только в материальных деталях исполнения. Таким образом, прежде всего мы получаем следующую формулу: самоубийством называется всякий смертный случай, являющийся непосредственным или посредственным результатом положительного или отрицательного акта, совершенного самой жертвой.

Но это определение недостаточно полно; оно не различает двух совершенно различных видов смерти. Нельзя относить к одному разряду и рассматривать с одинаковой точки зрения смерть человека, страдающего галлюцинациями, который выскакивает из окна верхнего этажа, думая, что оно находится в уровень с землей, и смерть психически здорового человека, убивающего себя вполне сознательно. Ведь, строго говоря, почти нельзя указать такого смертельного исхода, который не был бы близким или отдаленным

последствием того или иного поступка самого пострадавшего лица. Правда, причины смерти чаще лежат вне нас, чем внутри нас, но они влияют на нас только тогда, когда мы сами вступаем в сферу их действия. Можно ли утверждать, что смерть только тогда может называться самоубийством, когда сама жертва, совершая поступок, знает, что он будет иметь смертельный исход? Что только тот действительно убивает себя, кто хочет этого, и что самоубийство есть намеренное убийство самого себя? Прежде всего это значило бы определить самоубийство при помощи такого признака, который, каковы бы ни были его интерес и важность, лишь с трудом поддается наблюдению, а, следовательно, не легко может быть установлен. Как узнать, что именно заставило действующее лицо решиться на самоубийство; и, когда он решился, желал ли он именно смерти или преследовал другую какую-нибудь цель? Само намерение есть слишком интимное проявление воли и может быть рассматриваемо извне только самым грубым и приблизительным образом; оно ускользает даже от внутреннего наблюдения. Как часто мы ошибаемся относительно настоящих мотивов наших поступков! Как часто мы объясняем наши поступки благородными порывами, возвышенными соображениями, тогда как они вызваны мелкими чувствами и слепой силой рутины.

В общем, поступок не может определяться целью, преследуемой действующим лицом, потому что однородные движения могут относиться к самым различным целям. Если допустить, что самоубийство имеет место только в том случае, когда у человека было определенное намерение убить себя, – под наше определение самоубийства не подошли бы многие факты, в существе своем, несмотря на кажущуюся разнородность, вполне идентичные с теми, которым это название дается решительно всеми и которых нельзя называть иначе, так как это значило бы отнять у этого термина всякое определенное употребление. Солдат, идущий навстречу верной смерти, для того чтобы спасти свой полк, не хочет умереть, а разве в то же самое время он не является виновником своей смерти в том же значении этого слова, в каком оно применимо к промышленнику или коммерсанту, убивающему себя, для того чтобы избегнуть стыда и позора банкротства. То же самое можно сказать о мученике, умирающем за веру, о матери, приносящей себя в жертву своему ребенку, и т. д. Принимается ли смерть только как печальное, но неизбежное условие той цели, к которой субъект стремится, или же он ищет ее ради нее самой – в обоих случаях он отказывается от существования, и различные способы расчета с жизнью могут быть рассматриваемы только как разновидности одного и того же класса явлений. Между всеми этими разновидностями слишком много основного сходства, для того чтобы их нельзя было объединить под одним родовым термином, строго различая при этом все виды этого рода. Правда, согласно

обыденному представлению, самоубийство есть прежде всего порыв отчаяния у человека, который больше не дорожит жизнью; но на самом деле человек вплоть до самого последнего момента привязан к жизни, хотя эта привязанность и не мешает ему расстаться с нею. Во всех случаях, когда человек отказывается от того, что считает своим высшим благом, имеются, очевидно, общие и существенные признаки; напротив, разнородность побудительных причин, оказавших влияние на самое решение, может вызвать лишь второстепенные подразделения. Когда преданность чему-либо простирается до лишения себя жизни, то с научной точки зрения это будет самоубийством; мы увидим далее, к какому разряду надо будет отнести этот случай.

Общим для всех возможных форм этого высшего отречения является то, что поступок, освящающий это отречение, совершается сознательно, что сама жертва в момент действия знает о последующем результате своего поступка, каковы бы ни были мотивы, приведшие ее к совершению этого поступка. Все смертные случаи, имеющие эту характерную особенность, резко отличаются от тех, в которых человек или не является орудием своей смерти, или же является им только бессознательно. В подобных случаях не представляет чрезвычайной трудности установить, знал или нет человек заранее об естественных последствиях своего поступка. Они составляют, таким образом, вполне определенную, легко распознаваемую группу, которая вследствие этого должна иметь специальное название. Термин «самоубийство» соответствует этому понятию, и нам нет надобности придумывать новое слово, так как в состав данной группы явлений входит огромное большинство случаев, называемых этим именем в обыденной жизни. Следовательно, мы можем с определенностью сказать: самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах. Покушение на самоубийство – это вполне однородное действие, но только не доведенное до конца. Этого определения достаточно для того, чтобы исключить из нашего исследования все, что касается самоубийства животных. В самом деле, все, что мы знаем об умственном развитии животных, не позволяет нам предположить у них наличие предварительного сознания смерти, в особенности же допустить у них знание и понимание приводящих к этому средств. Можно, правда, наблюдать случаи, когда животные отказываются входить в помещение, где были убиты другие животные. Можно подумать, что они как бы предчувствуют ожидающую их судьбу. В действительности ощущение запаха крови является достаточным объяснением этого инстинктивного сопротивления. Все хоть немного достоверные факты, в которых хотят видеть самоубийство животных в

подлинном смысле этого слова, могут быть объяснены совершенно иначе. Если разъяренный скорпион жалит самого себя – что в конце концов недостоверно, – то он делает это, быть может, в силу автоматической и бессознательной реакции. Двигательная энергия, порожденная у него состоянием раздражения, разрешается случайно, как попало; бывает иногда, что жертвой этих движений падает само животное, и нельзя с уверенностью сказать, представляло ли оно себе заранее последствия своего поступка. С другой стороны, если существуют собаки, которые отказываются от принятия пищи после смерти своего хозяина, то это означает, что тоска механическим образом лишает их аппетита; такое состояние влечет за собою смерть, но она не является заранее предвиденным результатом. Ни воздержание от пищи в этом случае, ни укус в предыдущем не употреблялись как средства для достижения вполне определенной цели. Здесь не хватает ясно выраженного характера самоубийства, как мы его уже определили раньше. Поэтому в последующем изложении мы будем говорить только о самоубийстве людей.

Но это определение не только имеет своим преимуществом устранение ошибочных сближений или произвольных заключений; уже теперь оно дает нам понятие о том месте, которое самоубийство занимает в общей моральной жизни человека. Оно нам показывает, что самоубийство не составляет, как это можно было бы думать, совершенно обособленной группы фактов, не есть какой-то исключительный класс чудовищных явлений, стоящих вне всякой связи с другими видами поведения. Наоборот, мы видим, что самоубийство соединяется с ними прерывным рядом промежуточных ступеней и оказывается только преувеличенной формой повседневных поступков. В самом деле, только тот случай, как мы видели выше, можно назвать самоубийством, когда жертва в тот момент, как она совершает поступок, прерывающий течение ее жизни, ясно сознает то, что естественным образом должно из этого поступка последовать. Но это сознание может быть той или иной силы; придайте ему каплю сомнения – и вы получите поступок, который уже не будет самоубийством, но который близок ему по существу и отличается от него только по степени. Человек, сознательно подвергающий себя опасности ради другого лица, но без явной угрозы смерти, конечно, не является самоубийцей, даже если ему и пришлось бы умереть. Этим именем нельзя также назвать неосторожного, как бы играющего со смертью человека, стремящегося в то же время избежать ее, или человека апатичного, который, не будучи ни к чему привязан в жизни, не дает себе труда позаботиться о своем здоровье и погибает от своей небрежности. И однако все эти виды поведения ничем коренным от самоубийства в собственном смысле слова не отличаются; они порождают аналогичное направление ума, поскольку в равной степени сопряжены со смертельным риском, который не остается тайной

для действующего лица и перспектива которого это последнее не устрашает; вся разница заключается в степени вероятности смертельного исхода. Не без некоторого основания говорят иногда, что ученый, истощив свои силы постоянным бодрствованием, убил самого себя. Все эти случаи рисуют нам виды зачаточного самоубийства, и если, руководясь правильным методом, их не надо смешивать с видами полного самоубийства, то все же не надо терять из виду и то отношение родства, которое между ними существует. Самоубийство получает совсем различную окраску в том случае, если оно неразрывно связано с актами мужества или самоотвержения, и в том случае, если оно является результатом неосторожности или простой небрежности. В дальнейшем изложении будет понятнее, в каком смысле поучительно это сближение.

II

Но разве самоубийство при таком его понимании может интересовать социолога? Если оно представляет собою индивидуальный поступок, касающийся только данного индивида, то, казалось бы, в силу этого всецело должно зависеть от индивидуальных факторов, т. е. быть предметом изучения психологии. В самом деле, разве поступок самоубийцы не объясняется обыкновенно его темпераментом, характером, предшествовавшими обстоятельствами, событиями его частной жизни? В данный момент нашей задачей не является изыскание того, в какой степени и при каких условиях будет законно таким образом изучать вопрос о самоубийстве: но можно сказать только одно с полной достоверностью, а именно, что оно может быть рассматриваемо с совершенно иной точки зрения. Если вместо того, чтобы видеть в этих случаях совершенно особые для каждого из них обстоятельства, независимые друг от друга и требующие каждое специального рассмотрения, взять общее число самоубийств, совершенных данным обществом в данный промежуток времени, то можно установить, что полученная таким образом сумма не явится простой суммой независимых между собой единиц, голым собранием фактов, но что эта цифра образует новый факт sui generis, имеющий свое внутреннее единство и свою индивидуальность, а значит, свою особую природу, тем более для нас важную, что она по существу своему глубоко социальна. Если только наблюдение не захватывает очень обширного периода времени, то для данного общества цифра самоубийств остается почти неизменной.

Из года в год обстоятельства, при которых протекает жизнь народов, остаются все те же. Правда, случаются иногда важные изменения, но они являются только

исключениями. Можно, между прочим, видеть, что они всегда совпадают с каким-нибудь кризисом, мимолетно затрагивающим социальное положение страны.

Если наблюдать более обширный промежуток времени, то можно констатировать еще более важные изменения; но тогда они делаются хроническими; они указывают только на то, что характерные основы общества в то же самое время претерпели глубокие изменения. Интересно заметить, что изменения эти происходят вовсе не так медленно, как это им приписывается громадным числом наблюдателей, а напротив, обладают резким и прогрессирующим характером. Иногда после целого ряда лет, в течение которых цифры колебались в очень близких границах, замечается повышение, которое, после некоторого колебания, устанавливается как постоянная величина. Это доказывает, что всякое внезапно наступившее нарушение социального равновесия всегда требует достаточного времени для того, чтобы проявить все свои последствия. Итак, эволюция самоубийства выражается в волнообразных, последовательных и ясно различаемых движениях, совершающихся толчками, то усиливающихся, то приостанавливающихся, чтобы тотчас же начаться снова.

Можно видеть такую волну, образовавшуюся почти во всей Европе на другой день после событий 1848 г., т. е. в различных государствах на протяжении 1850–1853 гг.; другая такая волна началась в Германии после войны 1866 г.; во Франции ее можно было наблюдать раньше, в эпоху апогея империи – около 1860 г. В Англии она замечается около 1868 г., т. е. после торговой революции, вызванной вновь заключенными торговыми договорами. Может быть, этой же причиной создано то новое увеличение случаев самоубийства, которое относится у нас к 1865 г. Наконец, после войны 1870 г. началось новое, до сих пор продолжающееся повышение, которое захватило почти всю Европу.

Каждое общество в известный исторический момент имеет определенную склонность к самоубийству. Интенсивность этой склонности измеряют обыкновенно отношением общей цифры добровольных смертей к населению без различия пола и возраста. Мы назовем эту цифровую величину общим процентом смертности-самоубийства, присущим определенному обществу. Вычисляют его обыкновенно по отношению к 1 000 000 или к 100 000 жителей. Этот процент не только постоянен для долгого периода времени, но неизменяемость его оказывается еще большею, чем та, которой обладают главные демографические явления. Общий процент смертности изменяется гораздо чаще, из года в год, и те колебания, которым он подвергается, гораздо более значительны. Для того

чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, в какой мере варьируют на протяжении нескольких лет процент общей смертности и процент самоубийств.

Для того чтобы облегчить это сравнение, мы как по отношению обыкновенных смертных случаев, так и по отношению самоубийств изобразим процент каждого года, отправляясь от средней цифры периода, принятой за 100. Колебание из года в год, а также отклонение от среднего процента делаются, таким образом, сравнимыми между собой. И это сравнение показывает, что на протяжении каждого такого периода размеры колебаний гораздо более значительны на стороне общей смертности, чем на стороне самоубийства: в среднем первые колебания в два раза больше.

Только уклонение minimuma между двумя последовательными годами выражается почти одинаковой цифрой в обоих случаях в течение двух последних периодов. Но в динамике общей смертности этот minimum является исключением, тогда как, наоборот, годовые колебания самоубийств отклоняются от него лишь в виде исключения. В этом можно убедиться, сравнивая среднюю цифру уклонений. Правда, если сравнивать не следующие один за другим годы одного и того же периода, но средние цифры различных периодов, то отклонения, которые наблюдаются в проценте смертности, становятся очень незначительными. Изменения в противоположном смысле, наблюдаемые из года в год и зависящие от преходящих и случайных причин, взаимно нейтрализуются, когда за основание расчета берется большая единица времени; они исчезают в средней цифре, которая благодаря такой взаимной нейтрализации отклонений оказывается в достаточной мере постоянной. Так, во Франции в 1841–1870 гг. последовательно для каждого десятилетия средняя цифра колебалась следующим образом: 23,18; 23,72; 22,87. Но во-первых, тот факт сам по себе уже достаточно замечателен, что самоубийство из года в год обнаруживает такое же, если не большее, постоянство, как общая смертность при сравнении средних за целые периоды. Более того, средний процент смертности достигает этой правильности только в том случае, если он становится чем-то общим и безличным, почти совершенно неспособным характеризовать данное общество.

В самом деле, средняя смертность одинаково устойчива для всех народов, достигших одного и того же уровня культуры; во всяком случае, разница бывает очень незначительна. Так, во Франции она колеблется на протяжении 1841–1870 гг. около 23 смертных случаев на 1000 жителей; в то же время в Бельгии она достигает 23,93, 22,5, 24,04; в Англии – 22,32, 22,21, 22,68; в Дании – 22,65 (1845–1849 гг.), 20,44 (1855–1859 гг.), 20,4 (1861–1868 гг.). Если исключить

из этого перечисления Россию, которая может считаться европейской страной только географически, то единственные великие державы Европы, у которых величина смертности отличается довольно значительно от вышеприведенных цифр, это Италия, где уровень достигал еще в 1861–1867 гг. 30,6, и Австрия, где он еще более значителен, а именно 32,52. Наоборот, процент самоубийств, почти не изменяясь по годам, удваивается, утраивается, учетверяется и т. д. при переходе из одной страны в другую. Значит, он гораздо больше, чем процент общей смертности, специфичен для каждой социальной группы и может рассматриваться как ее характерологическая черта. Он настолько тесно связан с тем, что есть самого глубокого и основного в каждом национальном темпераменте, что тот порядок, в котором располагаются в этом отношении различные общества, остается почти неизменным в самые различные эпохи. На протяжении трех периодов (1866–1870; 1871–1875; 1874–1878 гг. – Примеч. ред.) количество самоубийств возрастало повсюду, но и в этом движении вперед различные народы сохраняли неизменной относительную разницу; у каждого из них был свой коэффициент ускорения.

Процент самоубийств указывает на вполне определенную закономерность явлений, подтверждаемую одновременно и его перманентностью, и его изменяемостью; эта перманентность была бы необъяснимой, если бы она не зависела от сочетания связанных между собою характерных признаков, которые, несмотря на разнородность окружающих их обстоятельств, одновременно утверждают друг друга; изменяемость их свидетельствует об индивидуальной и конкретной природе этих характерных черт, ибо они изменяются вместе с изменением самой социальной индивидуальности. Словом, эти статистические данные выражают наклонность к самоубийству, которой коллективно подвержено каждое общество. Мы не будем теперь разбирать, в чем именно заключается эта наклонность и составляет ли она состояние sui generis коллективной души, имеющее свою собственную реальность, или же она представляет собой только сумму индивидуальных состояний. Хотя предшествующие рассуждения с трудом согласуются с этой последней гипотезой, мы оставляем сейчас этот вопрос открытым и будем говорить о нем впоследствии на страницах настоящей книги. Что бы ни думали по этому поводу, но наклонность эта существует под тем или иным названием. В каждом обществе можно констатировать предрасположение к известному количеству добровольных смертей. Такое предрасположение может служить предметом социального изучения в пределах социологии. Этим-то вопросом мы и намерены заняться.

Мы не собираемся дать возможно более полный перечень всех условий, которые могут служить причиной частных случаев самоубийства, а ставим себе задачей отыскать те из них, от которых зависит строго определенный факт, названный нами социальным процентом самоубийств. Нельзя не согласиться с тем, что эти два вопроса значительно разнятся между собой, несмотря на существующую между ними связь. В самом деле, среди индивидуальных условий есть, без сомнения, много таких, которые не являются достаточно общими для того, чтобы оказать влияние на соотношение между общей цифрой добровольных смертей и численностью населения. Условия эти могут повлиять таким образом, что тот или иной отдельный индивид лишит себя жизни, но они не могут усилить или ослабить склонность к самоубийству всего общества in globo. Точно так же если эти условия не зависят от известного состояния социальной организации данного общества, то они не имеют социального отражения и потому могут быть интересны для психолога, но не для социолога; предметом изыскания последнего служат причины, при посредстве которых можно оказать воздействие не на отдельных индивидов, а на целую группу. Поэтому среди факторов самоубийства социолога касаются только те, которые действуют на целое общество. Процент самоубийств есть продукт этих факторов, и вот почему они должны интересовать нас.

Таков предмет предлагаемой нами книги, обнимающей по нашему плану три части. Явление, которое придется нам здесь объяснять, может зависеть или от причин внесоциальных в самом общем смысле этого слова, или от чисто социальных причин. Мы сначала займемся рассмотрением влияния первых и увидим, что его или не существует, или оно очень ограниченно. Мы определим затем природу социальных причин, тот способ, каким они осуществляют свое действие, и те отношения, в каких они находятся к индивидуальным состояниям, сопровождающим различные виды самоубийства.

Закончив это изыскание, мы будем в состоянии с большей точностью определить, в чем заключается социальный элемент самоубийства, т. е. в чем заключается эта коллективная склонность, о которой мы только что говорили, а также в каком отношении стоит она к другим социальным фактам и каким путем оказалось бы возможным повлиять на нее.

Книга I

Факторы внесоциального характера

Глава I

Самоубийство и психопатические состояния

Есть два рода внесоциальных причин, которым a priori можно приписать влияние на количество самоубийств: психоорганическое предрасположение и природа окружающей физической среды. В индивидуальном строении людей или, во всяком случае, в строении значительного класса человеческих индивидов может существовать склонность различной силы, в зависимости от данной страны, – склонность, которая непосредственно влечет человека к самоубийству; с другой стороны, климат, температура и т. д. могли бы, в силу того воздействия, которое они производят на организм человека, приводить косвенно к тем же результатам. Гипотеза эта, во всяком случае, не может быть отвергнута без предварительного обсуждения. Мы последовательно рассмотрим эти два рода факторов и постараемся узнать, имеют ли они на самом деле какое-нибудь значение для изучаемого нами явления, и если да, то каково оно.

I

Существуют болезни, общий годовой процент которых обыкновенно относительно постоянен для данного общества; и в то же время он значительно колеблется у различных народов. Таково – сумасшествие. Если бы были какие-нибудь точные данные, на основании которых в каждой добровольной смерти можно было видеть проявление сумасшествия, то поставленная нами проблема была бы разрешена и самоубийство было бы тогда не чем иным, как индивидуальной болезнью. Этот тезис поддерживается значительным числом психиатров. Так, например, Esquirol говорит: «В самоубийстве проявляются все черты сумасшествия («Maladies mentales»). Только в состоянии безумия человек способен покушаться на свою жизнь, и все самоубийцы – душевнобольные люди». Исходя из этого принципа, он пришел к тому заключению, что, будучи непроизвольным фактом, самоубийство не должно быть преследуемо законом.

Falret и Moreau de Tours высказывают почти одинаковое с ним мнение по этому вопросу. Правда, последний в том же месте своей книги, где он излагает разделяемую им доктрину, делает замечание, которого одного достаточно для того, чтобы вызвать сомнение в справедливости этой доктрины. «Должно ли самоубийство, – говорит он, – рассматриваться во всех случаях как результат сумасшествия? Не желая решать здесь этого трудного вопроса, скажем, что в общем, чем глубже удается изучить сумасшествие, чем больше накопляется по этому вопросу опыта, чем больше, наконец, делается наблюдений над сумасшедшими, тем сильнее подсказывает нам инстинкт, что это мнение вполне правильно». В 1845 г. доктор Бурден в своей брошюре, появление которой произвело большую сенсацию в медицинском мире, еще с большей убежденностью настаивал на этом предположении.

Эту теорию можно защищать двояко: можно утверждать, с одной стороны, что самоубийство само есть болезнь sui generis, что оно представляет собой особый вид сумасшествия, или же, не выделяя его в качестве особого вида, усматривать в нем просто эпизодическое явление того или иного вида сумасшествия, явление, не встречающееся у людей со здоровым рассудком. Первый тезис защищает Bourdin. Esquirol, наоборот, является наиболее авторитетным представителем второго мнения. «Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, – говорит он, – можно заключить, что самоубийство представляет собой явление, зависящее от громадного количества различных причин, что проявляется оно в самых разнообразных формах и что это явление не знаменует собой никакой определенной болезни. Для того чтобы сделать из самоубийства болезнь sui generis, прибегают к общим выводам, опровергаемым опытом».

Из упомянутых двух способов объяснения самоубийства путем сумасшествия второй менее убедителен и солиден в силу того принципа, что не может быть отрицательных опытов. На самом деле невозможно составить полный список всех случаев самоубийства и показать в каждом из них влияние сумасшествия. Можно говорить только об отдельных частных случаях, которые, несмотря на свою многочисленность, не могут служить основанием для научного обобщения; если обратные примеры не приводятся, то они все же остаются возможными. Между тем доказательство другого положения, если бы его вообще можно было построить, дало бы самые убедительные результаты. Если бы удалось доказать, что самоубийство есть специфическое сумасшествие, имеющее свои отличительные, характерные черты и свое ясно выраженное развитие, вопрос был бы решен в том смысле, что всякий самоубийца есть сумасшедший. Но существует ли самоубийство-помешательство?

II

Склонность к самоубийству, по природе своей специфическая и вполне определенная, если и является разновидностью сумасшествия, то во всяком случае может быть только сумасшествием частичным и ограничивающимся одним проявлением. Для того чтобы она могла характеризовать собой особый вид помешательства, надо, чтобы последнее было направлено именно на один этот поступок, потому что если их будет много, то не будет никакого разумного основания брать для определения помешательства данный, а не какой-либо другой факт. По традиционной терминологии, подобное частичное сумасшествие называется мономанией. Мономан – это душевнобольной, сознание которого абсолютно ясно, кроме одного пункта; поражение его интеллекта строго локализировано. Так, например, в известные моменты его охватывает безрассудная и нелепая страсть воровать, пить или оскорблять окружающих; но все его остальные поступки и мысли вполне нормальны и координированны. Если существует помешательство-самоубийство, то оно не может быть не чем иным, как мономанией, и так его чаще всего и квалифицируют.

С другой стороны, говорят, что если допустить существование особой болезни, называемой мономанией, то в нее легко можно включить и самоубийство; все характерное для этого вида душевных болезней, согласно данному нами определению, заключается в том, что они не вносят существенного расстройства в интеллект человека. Основание умственной жизни одно и то же и у мономана, и у человека душевно здорового; только у первого определенное психическое состояние, как патологическое, очень рельефно отделяется от этого основного фона. Мономания – это просто преувеличенная страсть среди ряда различных склонностей, ложная идея в ряде представлений, но идея такой силы, что она овладевает умом человека и всецело порабощает его. Например, чувство честолюбия из нормального становится болезненным и превращается в манию величия, раз оно принимает такие размеры, что все остальные мозговые функции как бы парализуются им. Достаточно одного резкого движения чувства, для того чтобы умственное равновесие поколебалось и мономания проявила себя. Итак, можно думать, что самоубийство совершается под влиянием какой-нибудь ненормальной страсти, причем она либо разрешается одним ударом, либо, наоборот, идея самоубийства назревает постепенно. Можно даже утверждать, и это будет, по-видимому, убедительно, что всегда необходима какая-нибудь сила подобного рода, чтобы нейтрализовать основной инстинкт самосохранения. С другой стороны, множество самоубийц, вне того особого

акта, которым они прерывают течение своей жизни, ничем не отличаются от других людей; следовательно, нет никакого повода для того, чтобы приписывать им общее безумие. Нам понятно теперь, почему под этикетом мономании самоубийство нашло себе место в рядах сумасшествия.

Но существует ли мономания? Долгое время существование ее не подвергалось сомнению; психиатры единодушно принимали теорию «частичного сумасшествия». Ее не только считали доказанной различными клиническими наблюдениями, но даже находили для нее подтверждение в данных психологии. В то время утверждалось, что человеческий ум состоит из различных свойств и разрозненных сил, которые действуют по большей части вместе, но способны действовать и порознь; поэтому вполне естественно, что они могут каждая в отдельности быть захвачены болезнью. Если человек может проявлять разум отдельно от воли и чувствительность отдельно от разума, то почему же не могут тогда существовать болезни разума или воли без того, чтобы была задета чувствительность и vice versa? Применяя тот же принцип по отношению к более специальным формам этих душевных способностей, можно прийти к заключению, что может быть поражена исключительно только одна какая-нибудь склонность точно так же, как и отдельная идея или отдельный акт.

В данный момент это мнение всюду отвергнуто. Без сомнения, нельзя доказать прямо путем наблюдения отсутствие мономаний; но вполне установлено, что нельзя привести ни одного бесспорного случая их. Никогда клиническому опыту не удавалось доказать болезненной склонности разума в состоянии полной изоляции; всякий раз, как какая-нибудь одна способность души затронута болезнью, другие поражены одновременно с нею, и если сторонники мономании не заметили существования этой общей болезненности, то это обстоятельство свидетельствует только о неправильности их наблюдения. «Возьмем, например, – говорит Falret, – сумасшедшего, занятого религиозными идеями, которого отнесли бы, конечно, к разряду религиозных мономанов. Он считает себя вдохновленным свыше, посланным Богом на землю, несущим новое религиозное откровение. Это совершенно безумная мысль, скажете вы, но вне области религиозных идей он рассуждает подобно всем остальным людям. Побеседуйте с ним более внимательно, и вы тотчас же заметите в нем другие болезненные идеи, параллельные религиозным: вы найдете у него манию величия; он будет смотреть на себя, как на творца новой религии, реформатора всего общества, может быть, он будет считать себя предназначенным и для еще более высокой судьбы… Допустим, что, поискав у такого больного признаков мании величия, вы бы не нашли их, но тогда бы вы констатировали у него идею самоунижения или патологический страх. Поглощенный религиозными идеями

больной будет считать себя вполне потерянным, обреченным на погибель человеком и т. д.». Конечно, все эти болезненные явления не встречаются одновременно у одного и того же человека, но их часто можно встретить вместе, или же если они не проявляются все в один и тот же момент болезни, то следуют друг за другом, совпадая с более или менее близкими ее фазисами. Наконец, независимо от этих проявлений частного характера у мнимых мономанов наблюдается особое общее состояние всей психической жизни, составляющее основание болезни, а все безумные идеи являются только его наружным и временным выражением; состояние это заключается в чрезмерной возбужденности, или в крайнем упадке духа, или же в общем извращении. В таких случаях главным образом наблюдается нарушение равновесия и координации мыслей, так же как и движений. Больной рассуждает, и вместе с тем в цепи его мыслей бывают пробелы; он ведет себя, не делая абсурдных выходок, но в поведении его нет последовательности. Итак, будет не вполне правильным сказать, что это – человек частично сумасшедший, потому что, как только безумие проникает в сознание человека, то овладевает им целиком.

Помимо того, основание, на котором покоится вышеуказанная гипотеза мономании, находится в полном противоречии с действительными данными науки. Старинная психологическая теория не находит больше защитников. В различных видах сознательной деятельности теперь уже больше не видят разрозненных сил, которые соединяются и находят свое единство только в какой-нибудь метафизической субстанции, а видят в них связные функции этой деятельности; поэтому невозможно, чтобы одна из них была повреждена без того, чтобы это повреждение не отозвалось на всех остальных. Повреждение это отзывается на мозговой жизни человека глубже, чем на всем его организме, потому что психические функции имеют слишком общие органы, для того чтобы они могли быть затронуты каждый в отдельности. Распределение их между различными областями головного мозга не имеет в себе ничего прочно установленного; это доказывается той легкостью, с которой различные части мозга могут замещать друг друга в случае, если какая-нибудь из них окажется неспособной исполнять свою задачу. Сплетение их слишком сложно для того, чтобы сумасшествие могло коснуться одних безнаказанно для других. Еще более очевидно, что безумие не может коснуться одной какой-нибудь мысли или чувства, без того чтобы вся психическая жизнь в корне своем не была им затронута. Представления и наклонности человека не имеют своего самостоятельного существования; они не составляют также и маленьких субстанций, духовных атомов, которые, сцепляясь, образовали бы ум человека. Они служат только для внешнего выражения общего состояния сознательных центров, они истекают из них и являются их выразителями; поэтому они не

могут принимать болезненного характера без того, чтобы общее состояние не было само по себе повреждено.

Но если умственные повреждения не могут локализоваться, то и не может быть мономании в собственном смысле этого слова. Повреждения, по-видимому, местного происхождения, носящие в зависимости от этого то или иное название, всегда являются результатом более обширной пертурбации; они на самом деле не самостоятельные болезни, а частичные и второстепенные проявления более общих болезней. Если не существует мономании вообще, то не существует и мономании самоубийства, а поэтому самоубийство не может быть определенным видом сумасшествия.

III

Остается предположение, что самоубийство есть известный момент сумасшествия; если оно само по себе не есть особый вид сумасшествия, то нет такой формы душевных болезней, в которой оно не могло бы проявиться; оно становится в таком случае эпизодическим болезненным припадком, но довольно часто встречающимся. Можно ли из этих повторяющихся случаев вывести заключение, что самоубийство немыслимо в здоровом состоянии и что оно есть известный признак психического заболевания?

Такое заключение было бы очень поспешным, так как среди поступков психически больных людей есть такие, которые им только свойственны и которые могут считаться для них характерными; но есть и такие, которые, наоборот, у них одинаковы со здоровыми людьми, хотя у сумасшедших они и получают особую окраску. Рассуждая a priori, нет никаких данных для того, чтобы помещать самоубийство в первую из этих категорий. Конечно, психиатры утверждают, что большинство самоубийц, которых они наблюдали, являли все признаки умственного расстройства, но этого показания недостаточно для разрешения вопроса. Подобные наблюдения слишком поверхностны, тем более что из такого совершенно специального опыта нельзя вывести никакого общего закона. Самоубийцы, наблюдаемые психиатрами, были, конечно, душевнобольными людьми, но они не могут служить бесспорным доказательством приводимой здесь гипотезы, особенно при наличии большого числа самоубийц, которых эти психиатры не наблюдали, и особенно принимая во внимание численный перевес последних.

Единственный правильный метод состоит в том, чтобы классифицировать самоубийства, совершенные умалишенными согласно их существенным особенностям, и, таким образом, установить главные типы самоубийств в состоянии психического расстройства и произвести точное изыскание, действительно ли все случаи добровольной смерти подходят под эту рубрику. Иначе говоря, для того чтобы узнать, есть ли самоубийство акт, исключительно присущий сумасшедшим, надо определить те формы, которые оно принимает при умственном расстройстве, и решить потом вопрос, ему ли одному оно свойственно. Специалистами по этому вопросу сделано очень мало в отношении классификации самоубийств сумасшедших, но тем не менее можно считать, что следующие четыре типа содержат наиболее яркие виды. Основные черты этой классификации мы заимствуем у Jousset и Могеаи de Tours.

I. Маниакальное самоубийство. Этот вид самоубийства присущ людям, страдающим галлюцинациями или бредовыми идеями. Больной убивает себя для того, чтобы избежать воображаемой опасности или позора, или действует, как бы повинуясь таинственному приказанию, полученному им свыше и т. д. Но мотивы и формы развития этого вида самоубийства отражают общий характер той болезни, от которой они проистекают, т. е. той или иной мании. Отличительной чертой этого душевного заболевания является чрезвычайная общая подвижность. Самые разнообразные и противоречивые чувства и мысли сменяют одна другую в мозгу маньяка с необыкновенной быстротой. Последний находится поэтому как бы в постоянном вихре чередующихся настроений. Едва успеет фиксироваться одна полоса сознания, как она уже заслоняется другой; то же можно сказать и о причинах, вызывающих самоубийства маньяков; они рождаются и исчезают, превращаясь из одних в другие с изумительной быстротой. Внезапно появляется галлюцинация или бредовое состояние, которые побуждают маньяка лишить себя жизни; они влекут за собой попытку самоубийства. Через несколько мгновений положение вещей изменяется, и если попытка оканчивается неудачей, то по крайней мере в данный момент маньяк ее не возобновляет, а если и возвращается к ней позднее, то в силу какого-нибудь другого мотива. Самое незначительное событие может привести к самым внезапным метаморфозам. Один подобный больной, желая покончить с собой, бросился в реку, большую часть года не особенно глубокую. Он принужден был искать достаточно глубокого места для того, чтобы утопиться, пока его не заметил таможенный солдат. Угадав его намерение, он прицелился и пригрозил ему, что будет стрелять, если тот не выйдет из воды. Тотчас же наш больной вылезает из воды, идет домой и уже не думает более о самоубийстве.

II. Самоубийство меланхоликов. Этот вид самоубийства встречается у людей, находящихся в состоянии высшего упадка духа, глубочайшей скорби; в таком состоянии человек не может вполне здраво определить свои отношения к окружающим его лицам и предметам. Его не привлекают никакие удовольствия, все рисуется ему в черном свете, жизнь представляется утомительной и безрадостной. Ввиду того что такое состояние не прекращается ни на минуту, у больного начинает просыпаться неотступная мысль о самоубийстве; мысль эта крепко фиксируется в его мозгу, и определяющие ее общие мотивы остаются неизвестными. Одна молодая девушка, дочь вполне здоровых родителей, проведшая детство в деревне, должна была лет в 14 уехать в город, для того чтобы продолжать свое образование. С этого момента ее охватывает невыразимая тоска; она начинает стремиться к одиночеству, и скоро в ней просыпается ничем не победимое желание умереть. «Целыми часами она сидит неподвижно с опущенными глазами, сгорбившись, в позе и настроении человека, предчувствующего что-то зловещее; у нее созревает твердое решение утопиться, и она ищет для этого наиболее уединенного места с тем, чтобы никто не мог спасти ее». Тем не менее, прекрасно сознавая, что ее поступок будет преступлением, она на некоторое время откладывает его выполнение. Через год мысль о самоубийстве с большей силой охватывает ее, и она на протяжении небольшого количества времени делает несколько неудачных попыток покончить с собой.

Часто на фоне общего отчаяния появляются галлюцинации и бредовые идеи, непосредственно влекущие больного к самоубийству, но в них нет той подвижности, которая замечается у только что рассмотренного нами типа маньяков. Напротив, идеи эти вполне определенны и неподвижны, как и общее состояние духа, из которого они проистекают. Боязнь, мучающая больного, упреки, которые он себе делает, несчастья, которые он себе рисует, всегда одни и те же. Если этот вид самоубийства определяется воображаемыми причинами, как и в предыдущем случае, то мысль о нем отличается своим хроническим характером и потому неотвязчиво стоит в мозгу человека. Больные, принадлежащие к этой категории, спокойно обдумывают все детали своего плана; в достижении своей цели они проявляют даже невероятное постоянство и иногда удивительную хитрость. Постоянная неустойчивость мысли маньяка очень мало похожа на эту последовательность меланхолика. У одного можно наблюдать только преходящие вспышки, не обусловленные длительными причинами, у другого, напротив, постоянное настроение, тесно связанное с самым характером больного.

III. Самоубийство одержимых навязчивыми идеями. В этом состоянии самоубийство не обусловливается никакими мотивами, ни реальными, ни воображаемыми, а только навязчивой мыслью о смерти, которая без всякой видимой причины всесильно владеет умом больного. Он одержим желанием покончить с собой, хотя прекрасно знает, что у него нет к этому никакого разумного повода. Это инстинктивное желание не подчиняется никаким размышлениям и рассуждениям, подобно тем безудержным потребностям воровать, убивать, поджигать, которые раньше пытались истолковать как особые виды мономании. Так как больной отдает себе отчет в нелепости своего желания, то он пробует вначале бороться с ним, но все время, пока воля противится этому стремлению, больной грустен, подавлен, его грудь сжимает тоска, которая с каждым днем усиливается. В силу этой особенности данному виду самоубийства дают иногда название «самоубийство от тоски» (suicide anxieux). Это состояние было превосходно описано однажды одним больным психиатру Brierre de Boisomont. «Я служу в одной торговой фирме и удовлетворительно исполняю возложенные на меня обязанности, но действую все время, как автомат, и обращенные ко мне слова звучат в моих ушах так, как если бы они раздавались в пустом пространстве. Меня бесконечно мучает ни на минуту не покидающая меня мысль о самоубийстве. Целый год я уже нахожусь в таком состоянии; вначале оно было выражено лишь неясно, а теперь, приблизительно в течение двух месяцев, оно не оставляет меня ни на минуту, хотя у меня нет никакого повода желать смерти. Физически я здоров, никто в моей семье не был подвержен подобному душевному недугу, я не потерпел никаких потерь, жалованья моего вполне достаточно для того, чтобы доставлять себе свойственные моему возрасту развлечения». Но едва больной прекратил борьбу с самим собой и решил убить себя, тревога его кончилась и к нему вернулось спокойствие. Если попытка самоубийства оканчивается неудачей, то этого оказывается достаточно для того, чтобы больной на время успокоился; можно сказать, что у него проходит само желание лишить себя жизни.

IV. Автоматическое или импульсивное самоубийство. Этот вид самоубийства так же мало мотивирован, как и предыдущий; ни в действительности, ни в воображении больного для него нет никакого основания. Разница между ним и предыдущим видом заключается в том, что вместо того, чтобы быть результатом навязчивой идеи, которая более или менее долгое время преследует больного и лишь постепенно овладевает его волей, этот вид самоубийства проистекает от внезапного и непобедимого импульса. Мысль в одно мгновение созревает до

конца и вызывает самоубийство или по крайней мере толкает больного на ряд предварительных действий. Эта внезапность решения напоминает нам то, что мы раньше видели при той или иной мании; но самоубийство маниакальное всегда имеет хотя и неразумное, но все же основание. Здесь же, наоборот, мысль о самоубийстве зарождается внезапно и совершенно автоматически, без наличности какого-нибудь предварительного сознательного решения, ведет к роковой развязке. Вид ножа, прогулка но краю пропасти и т. д. мгновенно порождают мысль о самоубийстве, и выполнение ее так стремительно, что больные часто совершенно не осознают того, что произошло. «Человек, – говорит Brierre, – спокойно разговаривает с друзьями; вдруг он внезапно перескакивает через барьер и бросается в воду. Его тотчас же вытаскивают и спрашивают о мотивах его поступка. Он отвечает, что сам не знает о них и что он действовал под влиянием силы, управлявшей им помимо его воли». «Самое удивительное, – говорит другой больной, – что я совершенно не могу вспомнить, каким образом я взобрался на окно и какая мысль была у меня тогда в голове; я совершенно не хотел убивать себя, по крайней мере в данный момент я не могу вспомнить, чтобы у меня было такое желание». При более слабой степени болезни люди чувствуют приближение припадка, и им удается избежать непобедимого очарования орудия смерти, если они не оглядываясь бегут от него.

В общем, все случаи самоубийства среди душевнобольных лишены всякого мотива или определяются совершенно вымышленными мотивами. Громадное количество добровольных смертей не могут быть отнесены ни к той, ни к другой категории; большинство из них имеют мотивы, не лишенные реального основания; поэтому нельзя, не злоупотребляя словами, считать каждого самоубийцу сумасшедшим. Из всех характеризованных нами случаев самоубийства наиболее трудно, по-видимому, отличить от самоубийств, наблюдаемых среди здоровых людей, самоубийство меланхоликов; очень часто вполне нормальный человек, кончающий с собой, находится в крайне подавленном и угнетенном состоянии, как и человек, страдающий болезненной меланхолией. Но все же между ними всегда существует основное различие; состояние духа первого и вытекающий из этого состояния поступок имеют некоторую объективную причину, тогда как у второго самоубийство не стоит ни в какой связи с внешними обстоятельствами. В общем, самоубийства психически ненормальных людей отличаются от остальных точно так же, как иллюзия и галлюцинации отличаются от нормальных восприятий и как автоматические импульсы – от вполне сознательных поступков. Возможен, конечно, непрерывный переход от одних к другим, но если бы это было достаточной причиной для того, чтобы отождествлять их, то пришлось бы вообще устранить

различие между здоровьем и болезнью, ибо вторая – только видоизменение первого.

Если бы даже и удалось установить, что средние люди никогда не лишают себя жизни и что решающиеся на самоубийство представляют собой некоторую аномалию, то все же это не давало бы нам права смотреть на сумасшествие как на непременное условие самоубийства; сумасшедший не есть просто человек, несколько иначе думающий и поступающий, чем обыкновенная средняя масса, поэтому тесно связать самоубийство с сумасшествием можно только в том случае, если произвольно ограничить значение слов. «Тот, кто, внимая только голосу благородства и великодушия, подвергает себя заведомой опасности или же неминуемой смерти и добровольно жертвует жизнью во имя закона, веры или спасения своей родины, не может называться самоубийцей», – восклицает Esquirol и приводит примеры Дешия, Асса и т. д. Falret точно так же отказывается считать самоубийцами Курция, Кодра и Аристодема; подобным же образом Bourdin исключает из понятия самоубийства все случаи добровольной смерти, не только вызванные твердостью в вере или в политических убеждениях, но даже экзальтацией чувства. Но мы знаем, что природа побудительных причин, непосредственно определяющих собой самоубийство, такова, что они не могут ни служить для него определением, ни провести границу между самоубийством и несамоубийством. Все случаи смерти, являющиеся результатом поступка самого пострадавшего лица, действовавшего с полным сознанием этого результата, представляют, независимо от своей цели, слишком существенное сходство для того, чтобы их можно было распределить по различным родам; при самых разнообразных мотивах они могут считаться только разновидностями одного и того же рода; кроме того, чтобы установить подобное различие, нужен другой какой-нибудь критерий, а не преследуемая жертвой цель, которая всегда более или менее проблематична. Таким образом, мы можем по крайней мере установить группу самоубийств, в которых отсутствует элемент сумасшествия. Но если уже исключениям открыть свободный вход, то трудно бывает потом закрыть его, потому что между смертями, внушенными исключительным великодушием, и смертями, вызванными чувствами менее возвышенными, не существует резкой границы; переход от одних к другим совершается без всякого видимого скачка. И если первые из этих случаев называть самоубийством, то почему бы не квалифицировать таким же образом и вторые. Итак, мы установили, что есть громадное количество случаев самоубийства без всякой примеси сумасшествия; их можно распознавать по двоякому признаку: во-первых, они вполне обдуманны, во-вторых, представления, из которых слагается мышление подобных субъектов, не являются галлюцинациями в чистом виде. Из всего

сказанного ясно, что этот так часто поднимающийся и волнующий вопрос может быть разрешен без вмешательства проблемы свободы. Для того чтобы узнать, все ли самоубийцы – сумасшедшие, мы не спрашивали себя, свободно ли они действуют; мы основывали свое мнение исключительно на эмпирических признаках, которые представляют для нашего наблюдения различные виды добровольной смерти.

IV

Самоубийство умалишенных не обнимает собой всех случаев; это только известная разновидность, и поэтому психопатические состояния, характеризующие психическое расстройство, не могут служить показателем наклонности к самоубийству вообще. Но между душевной болезнью и полным равновесием интеллекта есть целый ряд промежуточных ступеней: это – различного вида аномалии, объединяющиеся обыкновенно под общим названием неврастении. Мы должны теперь исследовать, не играют ли они значительной роли, при отсутствии сумасшествия, в генезисе того явления, которое нас интересует. Этот вопрос вытекает из самого существования самоубийства душевнобольных людей. В самом деле, если глубокого извращения нервной системы достаточно для того, чтобы в полной мере породить самоубийство, то меньшее потрясение должно оказать в более слабой степени вполне однородное влияние. Неврастения представляет собой род зачаточного сумасшествия, и поэтому в отдельных случаях она должна иметь одинаковые с ним последствия. Неврастения имеет гораздо более широкое распространение, чем душевные болезни, и число жертв ее неуклонно возрастает; поэтому вполне возможно, что общая сумма аномалий, известных под именем неврастении, является одним из факторов, от которых зависит процент самоубийств.

Вполне понятно, конечно, что неврастения предрасполагает к самоубийству, так как неврастеники по своему темпераменту как бы предназначены к страданию. Известно, что страдание в общем вытекает из чрезмерного потрясения нервной системы; слишком сильная нервная волна бывает чаще всего очень болезненной. Но это максимальное напряжение нервной системы, за пределом которого начинается страдание, изменяется в зависимости от индивида; предел этот выше у людей с более крепкими нервами и ниже – у людей слабых; таким образом, у последних полоса страдания начинается скорее, чем у первых. Каждое получаемое впечатление дает неврастенику повод к дурному расположению духа; каждое движение вызывает усталость, нервы его, как и поверхность кожи, раздражаются при малейшем прикосновении. Все

отправления физических функций, совершающиеся обыкновенно у здоровых людей совершенно спокойно, являются для него по большей части источником болезненных ощущений. Правда, что в противовес этому полоса наслаждений начинается у таких индивидов также гораздо ниже, потому что чрезмерная чувствительность ослабевшей нервной системы делает ее восприимчивой к такому возбуждению, которое ничем не отозвалось бы на нормальном организме. Незначительное событие может явиться для подобного субъекта источником безграничного удовольствия. Итак, по-видимому, то, что неврастеник теряет в одном отношении, он возмещает в другом и благодаря этой компенсации не менее приспособлен для всякой борьбы, чем все прочие люди. На самом же деле это совершенно не так, и слабость неврастеника постоянно сказывается в жизни, так как обычные впечатления и ощущения, многократно повторяющиеся в жизни среднего человека, всегда обладают достаточной силой. Поэтому у неврастеника жизнь никогда не бывает уравновешенной. Конечно, если ему удается уйти из этой жизни, создать себе обстановку, куда внешний шум долетал бы только издалека, то он тем самым достигает менее мучительного для себя существования. Именно поэтому мы часто видим, как такие люди покидают свет, доставляющий им так много страдания, и ищут уединения. Но если такой человек должен, в силу сложившихся обстоятельств, жить среди общества и не может сохранить от наносимых им ударов свою болезненно-чувствительную натуру, то он испытывает гораздо больше горя, чем радости. Подобные организмы представляют собой прекрасную почву для мыслей о самоубийстве.

Это не единственная причина к тому, что жизнь неврастеника складывается для него так тяжело. В силу чрезвычайной чувствительности нервной системы мысли и чувства его находятся в полной неуравновешенности; каждое самое легкое впечатление находит в его душе ненормально сильный отзвук; его духовный мир ежеминутно потрясается до самых своих глубин, и под влиянием этих непрекращающихся внешних толчков ум его не может найти себе точки опоры и находится в непрерывном процессе преобразования. Но психика может укрепиться лишь в том случае, если пережитый опыт производит на нее прочное впечатление, а не рассеивается и не уничтожается постоянными резкими переворотами. Жизнь в устойчивой и постоянной среде возможна только в том случае, если отправления живого существа в такой же степени постоянны и устойчивы. Ибо жить – это значит реагировать на все внешние события, приспособиться к ним известным образом, а такая гармония отношений может быть только делом времени и привычки; достигнуть ее можно только ощупью через целый ряд поколений; она должна в известной своей части сделаться наследственной, и весь этот накопленный опыт не может быть повторен сызнова

в любой момент, когда надо начинать действовать. Если бы, наоборот, все приходилось повторять каждый раз сначала, то эта гармония не могла бы быть полностью такой, какой она должна быть. Подобная устойчивость не только необходима нам для наших отношений с физическим миром, но также и с социальной средой. В обществе с вполне установившейся организацией существование индивида возможно только в том случае, если умственное и моральное строение его в равной степени определилось. Именно этой-то устойчивости и недостает неврастенику. Благодаря тому состоянию неуравновешенности, в котором он находится, обстоятельства застают его зачастую врасплох; не будучи подготовлен к тому, чтобы реагировать на них надлежащим образом, он должен каждый раз заново измышлять для себя правила поведения; из этой необходимости рождается хорошо известное пристрастие неврастеника ко всему новому. Но когда встает вопрос о приспособлении к какому-нибудь традиционному условию, его импровизированным комбинациям приходится отступать перед теми, которые уже освящены многолетним опытом, потому что иначе он в огромном большинстве случаев потерпел бы неудачу.

Мы видим, таким образом, что, чем большей определенностью обладает известная социальная система, тем тяжелее в ней себя чувствует такой малоуравновешенный человек, как неврастеник. Вполне вероятно поэтому, что подобный психологический тип всего чаще встречается среди самоубийц. Остается только установить, какое влияние это чисто индивидуальное условие оказывает на общее количество добровольных смертей. Достаточно ли этого условия при благоприятных стечениях обстоятельств для того, чтобы натолкнуть человека на мысль о самоубийстве, или же неврастения оказывает еще какое-нибудь влияние, кроме того, что делает индивидов более восприимчивыми к действию внешних сил, которые только и могут быть определяющими причинами данного явления? Для того чтобы непосредственно решить этот вопрос, надо было бы сравнить колебания процента самоубийств и неврастении; к несчастью, последняя еще не вполне доступна для статистики, но с помощью одного искусственного приема мы можем преодолеть эту трудность. Сумасшествие является только усиленной формой нервного вырождения, и поэтому, не рискуя впасть в грубую ошибку, можно сказать, что число дегенератов изменяется так же, как и число сумасшедших, и поэтому вместо первых можно рассматривать вторых. Поступая так, мы будем еще иметь то преимущество, что можно будет вообще установить то соотношение, которое наблюдается между процентом самоубийств и общей суммой умственных аномалий всякого рода.

Один факт может сообщить им больше значения, чем следует; а именно самоубийство, равно как и сумасшествие, сильнее распространено в городе, чем в деревне. Поэтому начинает казаться, что случаи самоубийства учащаются и уменьшаются в зависимости от процента сумасшествий, и получается впечатление прямого соотношения между этими двумя явлениями. Но этот параллелизм не является показателем действительно существующей причинной связи; он может быть простым совпадением. Гипотеза эта тем более допустима, что социальные причины, от которых зависит самоубийство, как мы увидим далее, сами тесно связаны с городской цивилизацией и наиболее сильно дают себя чувствовать в больших центрах. Для того чтобы измерить то влияние, которое психопатическое состояние может оказывать на самоубийство, надо исключить те случаи, когда это состояние изменяется параллельно социальным условиям того же явления; когда эти два факта действуют в одном и том же направлении, в конечном результате трудно определить долю влияния, оказываемого каждым из них. Производить наблюдение над ними надо исключительно в тех случаях, когда они находятся в полном противодействии друг другу; только когда между ними образуется известный конфликт, можно установить, кому из двух принадлежит решающее значение. Если умственное расстройство играет ту существенную роль, которую ему иногда приписывают, то оно должно проявить свое присутствие характерным образом даже в том случае, когда социальные условия стремятся нейтрализовать его; и наоборот, эти условия не могли бы проявить себя, если бы индивидуальные силы действовали в обратном смысле. Следующие факты указывают на то, что правилом является совершенно обратная зависимость.

1. Путем статистических данных доказано, что в домах умалишенных число женщин незначительно превышает число мужчин; взаимоотношение варьирует в зависимости от данной страны, но обыкновенно на 54 или 55 умалишенных женщин приходится 46–45 мужчин.

Кох собрал результаты переписи умалишенных, сделанной в одиннадцати различных государствах. На 166 675 умалишенных обоего пола приходится 78 584 мужчины и 88 091 женщина, т. е. 1,18 мужчины и 1,30 женщины на 1000 жителей обоего пола. Мауг в свою очередь пришел к аналогичным результатам. Правда, иногда спрашивали себя, не происходит ли этот излишек умалишенных женщин оттого, что смертность сумасшедших мужского пола больше смертности сумасшедших женского пола. Известно, что во Франции на 100 умерших сумасшедших приходится около 55 мужчин.

Итак, большее число случаев сумасшествий среди женщин, полученное при переписи в тот или иной момент, не является еще доказательством того, что женщина предрасположена к сумасшествию больше, чем мужчина; оно, быть может, указывает только на то, что и в этом случае, как во многих других, женщин умирает меньше, чем мужчин. Тем не менее остается несомненным тот факт, что среди наличного контингента сумасшедших женщин больше, чем мужчин; и если – что вполне законно – от числа умалишенных умозаключать к числу нервно расстроенных, то нельзя не признать, что всегда существует большее число неврастеников женского пола, чем мужского. Поэтому если бы между процентом самоубийств и неврастенией была действительно какая-нибудь причинная связь, то женщины должны были бы чаще, чем мужчины, лишать себя жизни или же по крайней мере одинаково часто. Даже принимая во внимание меньшую смертность среди женщин и исправляя в этом смысле указания переписи, все, что можно заключить отсюда, – это то, что у них почти одинаковое с мужчинами предрасположение к сумасшествию; в самом деле, меньший процент их смертности и численное преобладание их во всех переписях умалишенных почти компенсируются. Между тем в действительности наклонность к добровольной смерти у женщин не только не выше, но гораздо ниже, чем у мужчин, и потому самоубийство по существу своему – чисто мужское явление. На одну лишающую себя жизни женщину приходится в среднем 4 мужчины. У каждого пола есть своя вполне определенная наклонность к самоубийству, которая есть величина постоянная для всех социальных классов. Но интенсивность этого предрасположения отнюдь не варьирует параллельно вариациям психопатического фактора независимо от того, исчисляют ли его влияние по количеству ежегодно вновь зарегистрированных случаев или по числу людей, записанных в данный момент.

Данные показывают, что сумасшествие наблюдается чаще у евреев, чем у людей других вероисповеданий; можно было бы на этом основании предполагать, что в тех же пропорциях находятся у них все другие ненормальности нервной системы; но оказывается, что, наоборот, предрасположение к самоубийству у евреев очень слабо. Мы увидим ниже, что еврейство – это как раз та религия, в рамках которой склонность к самоубийству имеет наименьшую величину (кн. I, гл. II). Следовательно, в данном случае процент самоубийств колеблется в обратном отношении к психопатическому состоянию и отнюдь не является его продуктом. Конечно, основываясь только на этом факте, нельзя вывести заключения, что мозговая и нервная болезнь могут служить предохранительным средством против самоубийства, но очевидно, эти болезни могут служить для него очень неточным определением, если процент самоубийства может упасть в тот момент, когда они достигают наивысшей степени своего развития.

Если сравнивать только католиков и протестантов, то эта обратная пропорциональность не будет носить общего характера, но все же она очень часто наблюдается. Предрасположение к сумасшествию у католиков оказывается ниже, чем у протестантов, только в 4 случаях из 12, и то разница между ними очень незначительна. Первые везде без всякого исключения лишают себя жизни реже, чем вторые.

2. Предрасположение к самоубийству правильно увеличивается начиная от детского возраста вплоть до глубокой старости. Если иногда оно понижается после 70 или 80 лет, то уменьшение это очень незначительно; в этот период жизни оно все-таки в два или в три раза сильнее, чем в период зрелости. Наоборот, в зрелом возрасте случаи сумасшествия встречаются наиболее часто. Максимальная опасность заболевания наблюдается около 30 лет, позднее она уменьшается, а к старости в большинстве случаев наблюдается в наиболее слабой степени. Такой антагонизм был бы необъясним, если бы причины, заставляющие колебаться процент самоубийств и вызывающие умственное расстройство, не были бы совершенно разнородного происхождения.

Если сравнить процент самоубийств в каждом возрасте не с относительной частотой новых случаев сумасшествия на протяжении того же самого периода, а с той пропорцией, которую по отношению ко всему населению образует наличный состав сумасшедших, то полное отсутствие параллелизма между этими двумя явлениями будет не менее очевидно. По отношению к общей массе населения число умалишенных особенно велико в возрасте 35 лет; пропорция остается той же вплоть до 60 лет и затем быстро уменьшается. Она достигает minimuma

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Далее мы укажем, что эта точка зрения, далекая от того, чтобы исключать всякую свободу, является единственным средством примирения ее с детерминизмом, непосредственно вытекающим из данных статистики.

Купить: https://tellnovel.com/dyurkgeym_emil/samoubiystvo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити